

На правах рукописи

Еремин Сергей Владимирович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА
В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1933—1941 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2013

Работа выполнена на кафедре истории, экономики, правоведения Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации»

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент
Шапошников Геннадий Николаевич

Официальные оппоненты:

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», профессор кафедры теории и истории международных отношений

Попов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», заведующий кафедрой отечественной истории

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Защита состоится «14» июня 2013 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д **212.285.16** на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Автореферат разослан «14» мая 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Л. Н. Мазур

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Деятельность советской пропаганды предвоенных лет, направленная на формирование образа нацистского режима, представляет несомненный интерес. Изучение данной темы дает возможность проследить эволюцию господствовавших установок советского руководства в оценке идеологических основ и политических реалий этого враждебного большевизму режима, определявших характер функционирования деятельности пропагандистских структур СССР на фоне сложных и неоднозначных советско-германских отношений кануна Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Объектом исследования является деятельность партийных и государственных пропагандистских структур, осуществлявших формирование образа внешнего мира в сознании советских граждан.

Предмет исследования – процесс формирования и трансформации образа нацистского режима как комплекса представлений о формах и методах управления государством, внешнеполитических акциях правительства национал-социалистов, целенаправленно формируемый у граждан СССР советским руководством посредством пропаганды в период с 1933 по 1941 гг.

Хронологические рамки исследования обусловлены двумя ключевыми событиями, которые можно рассматривать в качестве опорных точек в истории Германии вообще и нацистского режима, в частности. Нижняя хронологическая граница исследования – 1933 г., когда возглавлявший национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП) А. Гитлер стал канцлером Германии. Курс бескомпромиссного антикоммунизма во внешней и внутренней политике гитлеровского правительства, антисоветские выпады германских СМИ потребовали от советского руководства ответных действий в информационной политике. Это обусловило необходимость формирования советской пропагандой образа нацистского режима, находившегося в зависимости от развития советско-германских отношений и накала информационно-пропагандистского противостояния между СССР и нацистской Германией.

Нападение Германии на СССР (22 июня 1941 г.) завершило процесс формирования образа нацистского режима в предвоенных условиях.

Территориальные рамки исследования охватывают Советский Союз в предвоенных границах, хотя, естественно, учитывалось то обстоятельство, что ареал советской внешнеполитической пропаганды в обозначенных хронологических рамках распространялся и на зарубежные страны.

Степень изученности. Анализ отечественной историографии показал, что образ нацистского режима, тем более метаморфозы, происходившие в его отражении советской пропагандой в 1939-1941 гг., не были предметом специальных исторических исследований в советский период.

С началом Великой Отечественной войны до середины 1950-х гг. гитлеровская Германия безоговорочно рассматривалась как государство, своей агрессивной внешней политикой развязавшее «вторую мировую империалистическую войну», и как идеологический противник СССР.

Во второй половине 1950-х—первой половине 1960-х гг., когда развернулась кампания критики «культа личности», была предпринята попытка переложить на И.В. Сталина все просчеты и ошибки, допущенные при нём в руководстве страной. Затронула эта кампания и проблему пропагандистской подготовки СССР к войне с Германией. Именно в таком контек-

сте, как правило, рассматривались отдельные сюжеты, связанные с деятельностью советской пропаганды 1930-х — начала 1940-х гг.

Одной из позитивных тенденций второй половины 1950-х—начала 1960-х гг. можно считать публикацию мемуаров непосредственных участников событий, в том числе, политработников, журналистов и дипломатов, которые были причастны к организации советской пропаганды указанного периода. Такого рода публикации продолжали выходить в свет и после отставки Н.С. Хрущева, когда к власти в стране пришел Л.И. Брежнев.¹ Естественно, мемуарная литература подвергалась строжайшей политико-идеологической цензуре. Однако, несмотря на это, в оборот были введены ранее не известные исследователям факты организационных основ советской пропаганды в предвоенные годы.

В обобщающих трудах, в первую очередь в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», было уделено внимание роли пропагандистских структур предвоенного периода.² В первом томе этого фундаментального издания, при общей апологетической оценке ведущей роли большевистской партии в пропагандистской работе по подготовке к вооруженному столкновению с Германией, высказывались и некоторые частные критические замечания относительно характера самой этой работы. В упомянутой книге, в частности, сказано, что советская пропаганда утверждала непрочность тыла фашистской Германии как возможного противника и не придавала особого значения объяснению мотивации действий солдат и офицеров вермахта.³

В монографии Ю.П. Петрова делался вывод о том, что, исходя из ошибочных сталинских указаний, в советской пропаганде кануна войны против Германии практически ничего не говорилось о ней как о наиболее вероятном военном противнике, не анализировалось состояние ее вооруженных сил.⁴ Аналогичным образом рассуждал Г.Д. Комков, акцентируя одновременно внимание на том, что партийное руководство являлось в предвоенные годы определяющим фактором в идеологическом воспитании советского народа.⁵ Однако, в советской историографии середины 1950-х – середины 1960-х гг. не учитывалось то заметное влияние, которое оказало сближение между СССР и Германией 1939 – 1941 гг. на содержание пропагандистской деятельности, в частности, на временное свертывание открытых антифашистских кампаний.

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. практически все негативные факты и тенденции, связанные с деятельностью пропагандистских структур сталинского режима, перестали находить отражение в исследовательской литературе. Фактический материал отбирался для публикации таким образом, чтобы исключить любые намеки на критику советских пропагандистских органов.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., на этапе перестройки, в условиях, когда потребовалось ее идеологическое обоснование, многие события советской истории стали подаваться в острокритическом контексте. В числе «болевых точек» вновь, как и в хрущевские времена, оказался предвоенный период советской истории. В научный оборот вводились и

¹ Пальгунов Н.Г. Тридцать лет: (Воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964; Всегда по эту сторону. Воспоминания о В. Кине / сост.: С.А. Ляндрес. М., 1966.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945: в 6-ти тт. М., 1960-1965. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. С.424-434.

³ Там же. С. 435.

⁴ Петров Ю.П. Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. Деятельность КПСС по созданию и укреплению политорганов, партийных и комсомольских организаций в вооруженных силах (1918—1961 гг.). М., 1964. С. 335-336.

⁵ Комков Г.Д. Идеино-политическая работа в КПСС в 1941—1945 гг. М., 1965. С.54, 61, 62.

новые архивные документы, связанные с темой пропагандистской подготовкой СССР к войне против Германии.

Однако в советской историографии так и не была представлена общая характеристика структуры пропагандистских органов СССР предвоенного периода. Не получила должного освещения и специфика советской пропаганды в период кратковременного сближения с нацистской Германией 1939 – 1941 гг. Эти лакуны образовались главным образом по причинам идеологического характера. К тому же вплоть начала 1990-х гг. оставались недоступными для исследователей архивные документы, отражающие специфику функционирования в предвоенные годы партийных и государственных политико-пропагандистских органов СССР высшего, среднего и низового звена.

В 1990-е гг. с распадом СССР и с уходом с политической арены КПСС начался процесс формирования постсоветской российской историографии. Его отличали плюрализм как в методологии, так и в конкретных подходах к изложению исторических фактов, к интерпретации реальных событий предвоенных лет. С открытием ранее засекреченных массивов архивных документов, в частности, по истории 1930-х – начала 1940-х гг., и с введением их в научный оборот появилась реальная возможность переосмысления событий предвоенного периода.

Особенно плодотворная работа велась и ведется по изучению сталинской эпохи в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и в других крупных архивохранилищах. Это, в частности, позволило российским историкам более объективно оценить деятельность советской пропагандистской «машины» предвоенного периода, чего по объективным причинам не смогли сделать их предшественники.⁶

В начале 1990-х гг. появляются публикации, посвящённые острым и спорным проблемам того периода: договору с Германией 23 августа 1939 года⁷, отношениям с Польшей (особенно событиям в Катынском лесу), присоединению её восточной части (Западной Украины и Западной Белоруссии) и Прибалтики к СССР⁸, войне с Финляндией и вообще международной обстановке накануне Второй мировой войны.⁹

Большое значение для изучения проблем влияния пропаганды на сознание людей, осуществления контроля за унастроениями народа в предвоенные годы имеют труды ис-

⁶ Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 10-21; Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 – 1941 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова; послесл. Б. Бонвеча. М., 1997. С. 27-51; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. New York, 1999. С.71-79; Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн.1. С.59-62; Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. М., 2003. С.99-101; 123-124; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 152-162 и др.

⁷ Безыменский Л. Альтернативы 1939 года. Вокруг советско – германского пакта 1939 г. и связанных с ним документов // Новое время. 1989. №24. С. 32-36; Он же: После пакта // Там же. 1989. №34. С. 30-35; Дашичев В.И. Пакт Гитлера – Сталина: мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. - М., 1990. - Вып. 2. С. 262-273; Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992; Камынин В. Д. Россия в конце 20 – 30 – х гг. // История России. Вторая половина XIX – XX вв./ Под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 1995 и др.

⁸ Мальков В.Л. Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939-1940 гг. (из архивов США) // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 41-52; Донгаров А.Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939 - август 1940 гг.) // Вопросы истории. 1991. №1. С. 33-49; Золотов Н.П., Исаев С.И. Боеготовы были...// Военно-исторический журнал. 1993. №11. С. 75-77.

⁹ Зимняя война // Международная жизнь. 1989. №12. С. 216-231; К 50 - летию начала Второй мировой войны. Материал подготовлен В.В. Абрамовым // Вестник МИД СССР. 1989. №16. С. 66-76; Семиряга М.И. Советский Союз и предвоенный политический кризис // Вопросы истории. 1990. №9. С. 49-64; Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 2008.

ториков В.А. Невежина, В.А. Иванова, П.В. Гречухина, А.В. Голубева и др.¹⁰ Представления советских граждан о внешней политике СССР накануне войны рассмотрены в работах С.Г. Березина, В.А. Токарева, Е.С. Сенявской и др.¹¹ Публикации данных авторов предоставили важный фактический и аналитический материал для данной диссертации.

Во второй половине 1990-х гг. российскими историками предпринимаются попытки конкретизировать представление об организационных основах советской пропаганды второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. и показать реальную значимость задействованных в ней представителей руководящего состава и рядовых исполнителей. Так, В.А. Невежин ввел в научный оборот архивные документы из фондов РГАСПИ и РГАЛИ, которые позволили ему дать обобщенную картину пропагандистской деятельности по идеологической подготовке населения СССР к грядущей войне. В его исследованиях затрагивался и вопрос о специфике советской внешнеполитической пропаганды.¹²

Данный сюжет освещался также в работах А.В. Боркова¹³, С.Ю. Маркелова¹⁴, А.Г. Гасюка¹⁵, а также в коллективном труде, посвященном механизму формирования внешнеполитических стереотипов в общественном сознании.¹⁶ Эти исследования базировались на солидной источниковой базе, которую составляли не только мемуары непосредственных участников событий, но и ранее неизвестные материалы российских архивов.

Отечественные историки пришли к выводу о том, что в 1930-е гг. в СССР сложилась развернутая система внешнеполитической пропаганды, основной целью которой являлось формирование у широких масс картины мира (частично отражавшей реальность, а частью мифологизированной), отвечавшей конкретным, хотя и менявшимся время от времени, основополагающим целям большевистского руководства.¹⁷ К концу 1990-х гг. были предприняты первые практические шаги по изучению этой системы, а также роли в ней конкретных функционеров.

В 2008 г. О.И. Григорьевой была защищена диссертация, в которой исследовался процесс формирования образа гитлеровской Германии пропагандистскими средствами.¹⁸ Опираясь в первую очередь на материалы советской прессы (статьи и карикатуры), на произведе-

¹⁰ Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939-1941 годах // Вопросы истории. 1994. №8. С. 164-171; он же: Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 -1941 гг. М., 1997; Гречухин П. Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934 - 1941 гг. Дис... к.и.н. Саратов, 1997; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; Голубев А.В. Запад глазами советского общества: Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104-120; Багдасарян В.Э. История страны / История кино. Эпоха Сталина: экранные нормативы. Образ врага в исторических фильмах 1930 - 1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31-46.

¹¹ Березин С.Г. Советско-финляндская война и общественное мнение // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегион. научно – практической конф. - Вологда, 2000, Ч.3. С.14-21; Токарев В.А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ощущение войны» // Человек и война. Война как явление культуры - М., 2001. С. 399-418; Сенявская Е.С. Финляндия как противник СССР во Второй мировой войне: формирование и эволюция «образа врага» в сознании советского общества в 1939-1940 и 1941-1944 гг. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 283-311; Война и общество в XX веке. Кн. 2. М., 2008. С. 169 – 180; Голубев А.В. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // Отечественная история. 2008. № 5. С. 108-127.

¹² Невежин В.А. Синдром наступательной войны ...; он же. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М., 2007.

¹³ Борков А.В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации. Автореферат дис...к.и.н. Нижний Новгород, 1997.

¹⁴ Маркелов С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939—1941 гг. Автореферат дис...к.и.н. Омск, 2004.

¹⁵ Гасюк А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939—1941 гг.). Дис...к.и.н. М., 2008.

¹⁶ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов...С. 69-95.

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933—1941 гг. Автореферат дис...к.и.н. М., 2008.

ния художественной литературы и кино, О.И. Григорьева пришла к следующему выводу: в советской пропаганде 1933–1939 гг. прослеживалось строгое разграничение между нацизмом и «трудовыми массами немецкого народа, наследниками великой немецкой культуры», которые вели во главе с коммунистами борьбу против фашизма.¹⁹

После выступления И.В.Сталина перед выпускниками военных академий РККА (5 мая 1941 г.) обнаружился новый поворот в советской пропаганде, началась пропагандистская подготовка к возможной войне с Германией. Советское руководство не ожидало скорого нападения Германии на СССР, поэтому перед пропагандистскими органами была поставлена задача «постепенного изменения агитационно-пропагандистских установок в отношении нацистского государства», что послужило сигналом к разворачиванию новой политико-идеологической кампании в антинацистском духе.²⁰

Под политико-идеологической кампанией в постсоветской исследовательской литературе понимается инициируемое режимом сосредоточение внимания на той или иной группе государственных вопросов, в первую очередь, внешнеполитического характера для достижения заранее сформулированных целей. В конкретных условиях конца 1930-х – начала 1940-х гг., когда в СССР установилась система тотальной пропаганды, этот процесс осуществлялся путем активного воздействия на общественное сознание посредством имевшихся в большевистском арсенале политико-пропагандистских инструментов, начиная от устной агитации и закачивая средствами массовой информации и печати.²¹

Так как пропаганда есть явление многогранное, существует множество дефиниций этого термина. В диссертационном исследовании термин «пропаганда» рассматривается как политически мотивированное воздействие на сознание граждан с целью формирования их поведения в определённом направлении. Для пропаганды характерно то, что она широко используется в сфере политики, при выработке определённого курса в управлении государством и на международной арене. Внешнеполитическая пропаганда при этом становится инструментом для достижения политических целей как внутри страны, так и за рубежом.

Дополнительный импульс научным изысканиям дают совместные труды исследователей различных стран. Среди тех из них, которые затрагивают различные аспекты взаимных контактов между СССР и Германией в межвоенный период в дипломатической, политической, культурной областях, следует назвать сборник статей российских и немецких авторов «Россия и Германия в XX веке».²² Ряд работ в этом фундаментальном коллективном труде посвящены сюжетам, связанным с деятельностью советской пропаганды в периоды обострения (1933—1939 гг.) и улучшения (1939—1941 гг.) атмосферы взаимоотношений Москвы и Берлина.

Таким образом, к началу XXI в. российскими историками была проделана обширная исследовательская работа, сопровождавшаяся введением в научный оборот новых архивных документов, по изучению такой сложной по структуре и неоднозначной по характеру функционирования системы, как советская пропаганда. Были сделаны первые практические шаги по определению особой роли пропаганды, особенно, внешнеполитической, как одного из важнейших инструментов формирования в общественном сознании образов внешнего мира.

¹⁹ Там же. С.21.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934—1941 гг. Дис...к.и.н. Саратов, 1997. С.172-173; Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х — начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири). Автореферат дис...к.и.н. Новосибирск, 2001; Невежин В.А. «Если завтра в поход...».

²² Россия и Германия в XX веке: В 3-х т. М., 2010. Т.2: Бурные порывы и надежды.

Российские историки в отличие от своих предшественников советской поры многое сделали для выявления роли пропагандистской системы в создании представлений о нацистской Германии и гитлеровском режиме, преимущественно акцентируя внимание на периоде действия договора о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года.

Однако в историографии нет целостного исследования, в котором бы раскрывалась деятельность советской пропагандистской системы направленная на формирование образа нацистского режима и анализировались особенности трансформации этого образа в советской пропаганде за период 1933–1941 гг.

Цель и задачи диссертационного исследования. Основная цель диссертационного исследования – проследить процесс формирования и трансформации образа нацистского режима в советской пропаганде в 1933–1941 гг.

Исходя из главной цели, диссертант ставил перед собой следующие задачи:

- исследование практической деятельности советского аппарата пропаганды, в первую очередь внешнеполитического сегмента и его кадрового состава;
- выявить особенности отношения И.В. Сталина к внутренней и внешней политике национал-социалистов в 1933 – августе 1939 гг., что существенно повлияло на формирование пропагандистского образа нацистского режима в СССР;
- определить основные составляющие и главные средства формирования этого пропагандистского образа как сугубо враждебного в условиях обострения советско-германских отношений;
- исследовать возникновение, развитие и трансформацию пропагандистского образа нацистского режима;
- проанализировать попытки советской стороны осуществить в 1939 – 1941 гг. «культурное сближение» с Третьим рейхом и объяснить причины неудач ее практических шагов в данном направлении;
- выявить специфику незавершенной политико-идеологической кампании мая-июня 1941 г., содержавшей установку на восстановление антинацистской направленности советской пропаганды;
- проанализировать деятельность советской пропаганды в период с августа 1939г. по июнь 1941 г. по формированию образа вероятных союзников и противников в предстоящей войне.

Источниковая база исследования. При написании диссертации использовались как уже опубликованные источники, так и ранее не издававшиеся документы российских государственных архивов.

Из архивных источников диссертантом использовались документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), в первую очередь Политбюро ЦК ВКП(б).²³ Привлекались также документы, из фонда УПА ЦК ВКП(б), важные для понимания действия пропагандистского механизма советского режима 1930-х–1940-х гг.²⁴

Особый интерес для диссертанта представляли тексты и тезисы выступлений И.В. Сталина и его соратников (В.М. Молотова, А.А. Жданова, А.С. Щербакова), причастных к организации политико-идеологической деятельности большевистской партии. Перечислен-

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, 162, 163.

²⁴ Там же. Оп. 125.

ные комплексы документов содержат информацию по различным международным вопросам, в том числе, которые относились к Германии. В целом эти документы дают возможность составить объективное представление о механизме функционирования советских пропагандистских органов в период 1930-х – начале 1940-х гг.

В диссертации использовались материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В фонде Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС)²⁵ сохранились данные, позволяющие судить о том, какой существенный урон нанес приход к власти А. Гитлера развитию советско-германских культурных связей. Документы этого фонда проливают свет и на вопрос о неудачной попытке «культурного сближения» с Германией, предпринятой советской стороной после подписания пакта Риббентропа–Молотова.

В фонде Главлита СССР²⁶ сохранились документы, которые свидетельствуют об активном участии органов цензуры в идеологическом обеспечении курса на сближение с Германией 1939–1941 гг., когда передавались на секретное хранение либо изымались из продажи ставшие «нежелательными» издания, содержавшие антифашистские материалы.

Внимание диссертанта привлекли также документальные комплексы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), в первую очередь, фондов Союза советских писателей²⁷ и журнала «Интернациональная литература»²⁸. Эти материалы позволили выявить определенные изменения в советской пропаганде, связанные с формированием ею образа нацистского режима в 1933–1941 гг. С их помощью прослеживается процесс перехода в условиях сближения с Германией к изменению характера советской культурной политики в отношении этой страны и тенденция к отказу от негативного восприятия нацистского режима.

Среди опубликованных источников, использованных в диссертации, – документы о деятельности большевистской партии²⁹ и ее Политбюро³⁰, касающиеся международной ситуации. Они важны для понимания механизма принятия решения по вопросам внешней политики и, в частности, взаимоотношений с нацистской Германией в 1933–1941 гг.

Диссертант использовал тексты выступлений И.В. Сталина³¹ и А. Гитлера³², представляющие несомненный интерес в данном контексте.

Важным источником явилась для диссертанта переписка И.В. Сталина с его соратниками в период пребывания вождя в отпуске на юге, когда текущими вопросами государственной важности занимались остававшиеся в Москве секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Г.К. Орджоникидзе.³³ В частности, эта переписка зафиксировала сталинские установки по освещению в средствах массовой информации нацистского режима после прихода А. Гитлера к власти, которые брались на вооружение советской пропагандой.

При написании диссертации использовались и сборники дипломатических документов, опубликованные в ФРГ и в СССР, а также в Российской Федерации в постсоветский пе-

²⁵ ГАРФ. Ф. 5283.

²⁶ ГАРФ. Ф. 9425.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 631.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1397.

²⁹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 янв. – 10 февр. 1934 г.: стеногр. отчет. М., 1934.; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопр. истории. 1993. № 5. С. 3–23.

³⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. док. М.: АИРО–XX, 1995.; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939. М., 2001.

³¹ Невежин В.А. Застольные речи Сталина: док. и материалы. М., 2003.

³² Hitler A. Reden und Proklamationen 1932–1945: Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. 2 Bde. Bd. 1 / hg. M. Domarus. München, 1965.

³³ Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг. / сост. Хлевнюк О.В. и др. М., 2001..

риод, которые содержат основополагающие материалы о советско-германских отношениях 1933–1941 гг.³⁴ Они позволяют выявить нюансы этих отношений, проследить эволюцию взглядов сталинского руководства в отношении Третьего рейха и его политического курса в 1933–1941 гг.

Информационную ценность для исследования представляют основанные на архивных материалах публикации по истории Коммунистического Интернационала³⁵, о реальной деятельности которого было практически неизвестно в советский период по причинам его конспиративного характера и строжайшей секретности делопроизводства. Они дают возможность судить о том, как вырабатывался политико-пропагандистский курс, связанный с изменением характера советско-германских отношений в 1930-е – начале 1940-х гг. В этих изданиях отчасти нашел отражение процесс трансформации пропагандистского образа нацистского режима в исследуемый период.

Диссертант использовал также документальные публикации, которые содержат самую разнообразную информацию о структуре и механизме функционирования советских пропагандистских органов, об их кадровом составе (в том числе значительном уроне, который ему нанесли политические репрессии 1930-х гг.), о роли политической цензуры и т. д.³⁶

Важным источником при написании диссертации послужили материалы периодической печати, активно использовавшиеся сталинским режимом в области внутривнутриполитической и внешнеполитической пропаганды, оказывавшие существенное влияние на общественное сознание. В поле зрения диссертанта попали материалы (порядка 700 передовых и тематических статей), опубликованные в семи центральных советских газетах («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др.) и девяти журналах («Большевик», «Коммунистический Интернационал», «Интернациональная литература» и др.).

Особенно тщательно анализировались публикации, касавшиеся мероприятий нацистов в Германии, помещенные в газетах «Правда» и «Известия». С их помощью можно конкретизировать процесс формирования и эволюции образа «германского фашизма», который являлся для советской пропаганды своеобразным синонимом наводившего на нежелательные аналогии понятия «национал-социализм». Данную конкретную задачу соискатель решал с применением контент-анализа публикаций в «Известиях» за 1933–1941 гг. и с учетом результатов исследований Иголкина А.А. и Григорьевой О.И.³⁷

Помимо собственно печатных материалов, в диссертации использовалась политическая карикатура, которая в сатирическом, гротескном виде представляла нацистских вождей

³⁴ Документы внешней политики СССР. [В 24 т.] Т. 16. 1 января – 31 декабря 1933 г. М., 1970.; То же. Т. 18. 1 января – 31 декабря 1935 г. М., 1973.; То же. Т. 22. В 2 кн. Кн. 1. 1 января – 31 августа 1939 г. М., 1992.; СССР – Германия, 1933–1941. Вып. 4: сб. документов. М., 2009.; Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. В 3 т. Т. 3. 1933–1941: сб. документов. М., 2011.; Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (ADAP), 1918–1945. Serie C. 1933–1936. Bd. 1, 2. 16 Mai bis 14 Oktober 1933. – Göttingen, 1971. S. 435–979.

³⁵ Коминтерн и Вторая мировая война. [В 2 ч.] Ч. 1. До 22 июня 1941 г.: сб. документов. М., 1994.; Коминтерн против фашизма: док. / [отв. ред. Н.П. Комолова]. М., 1999.

³⁶ Голубев А.В., Невежин В.А. ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 313–364; «Верните мне свободу!»: Деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора: Мемориальный сб. из архивов бывшего КГБ / ред.-сост. В.Ф. Колязин в сотр. с В.А. Гончаровым. М., 1997.; История советской политической цензуры: док. и коммент. / сост. Т.М. Горяева. М., 1997. 672 с.; Zensur in der UdSSR. Archivdokumente 1917–1991. Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Bd. 13/II / hg. A.V. Bljum. Bochum, 1999.; Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов, 1917–1956 / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 2005.; Кремлевский кинотеатр, 1928–1953: док. М., 2005.; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007; Между молотом и наковальней. Союз советских писателей ССР: док. и коммент. Т. 1. 1925 – июнь 1941 гг. М., 2011.

³⁷ Иголкин А.А. Пресса как оружие власти // Россия XXI. 1995. № 11–12. С. 68–86; Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 г.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сб. ст. М., 2009. Вып. 5. С. 211–235.

(Гитлера, Геббельса, Геринга), была направлена на обличение нацистского режима в 1933–1939 гг.

При написании диссертации также привлекалась мемуарная литература: воспоминания писателей, журналистов, дипломатов³⁸, которые были в той или иной степени причастны к организации советской внешнеполитической пропаганды, а так же публицистическая³⁹ и художественная литература 1930-х гг.⁴⁰

Имеющийся комплекс источников позволяет всесторонне проанализировать процесс возникновения, развития и трансформации образа нацистского режима в советской пропаганде в исследуемый период.

Теоретико-методологическая база исследования. При написании диссертации диссертант опирался на такие принципы исторической науки, как историзм, системность и научная объективность, которые требуют исследовать явления и процессы во всем их многообразии, в динамике, в конкретных условиях возникновения и дальнейшей эволюции. В диссертационном исследовании использованы методы проблемно-хронологический, историко-системный, исторической реконструкции и контент-анализа.

Диссертант стремился исследовать тему в контексте конкретно-исторической ситуации внутри страны и в мире, в совокупности всех связей.

Проблемно-хронологический метод позволил дифференцированно подойти к раскрытию сформулированной в диссертации проблемы, выделив в её рамках более локальные темы.

Применение историко-системного метода позволило подойти к изучению советской пропаганды как составной части внешнеполитического курса советского государства, политических процессов и международных отношений в рассматриваемый период.

Диссертант применил метод исторической реконструкции, позволивший воссоздать механизм функционирования деятельности советского внешнеполитического аппарата пропаганды. Основой для такой реконструкции стали как опубликованные материалы, так и неопубликованные архивные источники.

Количественный метод контент-анализа использовался при анализе разнообразных печатных текстов, помещенных в центральных советских газетах, а также в научных, политических и литературно-художественных журналах с целью их дальнейшей научной интерпретации в соответствующих параграфах диссертационного исследования.

³⁸ Пальгунов Н.Г. Указ. соч.; Всегда по эту сторону ...; Гнедин Е.А. В наркоминделе, 1922–1939 // Память: Ист. сб. М.; Париж, 1981–1982. Вып. 5. С. 357–393; Лапицкий И.М. Штрихи разных лет // ТАСС сообщает... М., 1988. С. 90–97; Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки, 1938–1947. М., 1989.; Шейнис З.С. Перед нашествием: Из записной книжки 1939–1941 годов // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98–118; Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. В 3 т. Т. 2. Кн. 4, 5. Изд. испр. и доп. М., 1990. 445 с.; Гронский И.М. Из прошлого...: Воспоминания. М., 1991.; Орлова Р.Д. Воспоминания о непростом времени. М., 1993; Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политике. М., 2001.

³⁹ Давид Ф. Как Гитлер пришел к власти и каковы его перспективы. Харьков, 1933; Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре / ред. А. Жушин. М., 1933; Беймлер Г. В лагере коричневых убийц. Л., 1933; Отвальт Э. Путь Гитлера к власти: (история национал-социализма). М., 1933; Кризис, фашизм, угроза войны: (материалы сессии Инта Мирового хозяйства и мировой политики). М., 1933; Гейден К. История германского фашизма. М.; Л., 1935; Генри Э. Гитлер над Европой. М., 1935.; Он же. Гитлер против СССР: Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. М., 1937.(2-е изд. вышло в Москве в 1938 г. – С.Е.); Дамт Р.П. Фашизм и социалистическая революция. М., 1935.; Киш Г. Гитлер и другие. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1935; Против фашистского мракобесия и демагогии: сб. ст. М., 1936; Корнев Н. Третья империя в лицах. М., 1937; Фашистская Германия – очаг войны: сборник. М., 1938; Вишнев С. Как вооружаются фашистские поджигатели войны. М., 1939 и др.

⁴⁰ Вольф Ф. Профессор Мамлок. Пьеса в четырех актах. М., 1935.; Фейхтвангер Л. Семья Оппенгейм. Роман / Пер. с нем. И.А. Горкиной. Под ред. В. Нейштадта. Вступит. Статья И. Анисимова. М., 1935; Симонов К. Ледовое побоище. Поэма // Настоящие люди. Книга стихов. М., 1938. Шпанов Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939;

Диссертант использовал также методы исторической имагологии, опирающейся на конкретно-исторический анализ культурных стереотипов, коллективных представлений народов друг о друге, этнических и национальных стереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «свой – чужой».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии предпринята попытка проследить процесс формирования советской пропагандой образа нацистского режима, его трансформацию и отражение в общественном сознании на протяжении одного из самых проблемных десятилетий советской истории. Была проведена реконструкция многоступенчатой пропагандистской системы, выявлены ее усилия по созданию образа внешнего мира, начиная с методов сбора, анализа исходной информации и заканчивая процессом ее дозирования и распространения в Советском Союзе и за границей.

Проанализирован большой комплекс материалов советской периодической печати (газет и журналов) о внутренней и внешней политике, экономике, идеологии и культуры гитлеровского руководства за 1933–1941 гг., которые являлись отражением пропагандистских установок по созданию образа нацистского режима.

В диссертации по-новому рассматривается вопрос о советско-германских культурных связях на этапе действия пакта Риббентропа-Молотова. В работе они включены в общий контекст двух «периферийных» поворотов в советской пропаганде.

Положения, выносимые на защиту.

1. В советской пропагандистской версии германский фашизм (нацизм) в 1930-е гг. оказался полностью встроенным в классовую доктрину. Феномен фашизма интерпретировался советскими пропагандистскими органами в терминах классовых интересов.

2. Советская пропаганда в 1933–1939 гг. сосредоточила основные усилия на создании негативного образа нацистского режима. Главным лейтмотивом ее являлось подробное описание обострения внутривнутриполитического и экономического кризисов в Германии, причиной которых объявлялись милитаризация и политика автаркии, проводимая А. Гитлером.

3. В установках Политбюро ЦК ВКП(б) при принятии окончательного решения по вопросу о разворачивании антинацистских пропагандистских кампаний превалировал политический прагматизм, обусловленный тем, что Германия продолжала рассматриваться И.В.Сталиным в качестве одного из основных торговых партнёров СССР.

4. Суть процесса трансформации пропагандистского образа нацистского режима в советской пропаганде состояла в качественно новом явлении на уровне парадигмы внешней и внутренней политики сталинского режима. Идеино и классово враждебный режим, каким являлся нацистский режим, стал представляться советской пропагандой как дружественный. С началом войны между Германией и СССР (1941—1945 гг.) в этот идейно-политический и пропагандистский контекст органично вписалось создание антигитлеровской коалиции вместе с классово и политически враждебными режимами западных держав – Великобританией, Соединенными Штатами Америки, Францией.

Практическая значимость диссертации. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы исследователями (историками, культурологами, политологами) в их научной работе, в частности, при подготовке статей и монографий, касающихся взаимоотношений нацистского и большевистского режимов. Выводы и материалы диссертации можно также рекомендовать для преподавателей школ и вузов для подготовки общих и специальных курсов по гуманитарным дисциплинам, в первую очередь по истории.

Апробация результатов. Различные аспекты проблематики диссертационного исследования нашли отражение в 17 опубликованных работах, в том числе трёх статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, определённых ВАК РФ. Отдельные положения и результаты работы были изложены в докладах и сообщениях на научных региональных, всероссийских и международных конференциях: «Человек в философско-культурологическом измерении», «Философия и педагогическая антропология (Первые Соколовские чтения)» (Нижевартовск, 1998 г.); «Германия и Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия» (Екатеринбург, 1999); «Культура постсовременного общества: философия, политика, искусство, мораль» (Нижевартовск, 2004 г.); Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия» (Нижевартовск, 2005 г.); «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики» (Москва, 2006 г.); «Культура, наука, образование: проблемы и перспективы» (Нижевартовск, 2012 г.). Диссертация обсуждалась на кафедре истории, экономики и правоведения Уральской государственной медицинской академии и была рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, 3-х глав, Заключения, списка использованных источников и исследований. Его структура соответствует основной цели и конкретным задачам диссертации.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, характеризуется степень ее научной разработанности, определяются территориальные и хронологические рамки, объект, предмет, цель и задачи исследования. В этой части диссертации также даётся общая характеристика источников, показывается теоретико-методологическая база и научная новизна диссертации, определяется ее практическая значимость.

В первой главе **«Система советской внешнеполитической пропаганды в период 1930-х–начала 1940-х гг.»** дается ретроспективная характеристика организационной структуры, кадрового состава и специфики функционирования системы пропаганды в СССР в предвоенный период.

В первом параграфе **«Основные партийные и государственные органы»** советская пропаганда вообще и внешнеполитическая, в частности, рассматривается как система, отличающаяся централизованным характером. Формирование и функционирование всех органов, на которые возлагались пропагандистские задачи, находились под постоянным контролем ЦК ВКП(б).

В диссертации на основании детального анализа имеющихся у соискателя данных делается следующий вывод: складывавшаяся в 1930-е гг. система советской пропаганды отличалась сложной структурой. При этом довольно трудно разделить в мощном пропагандистском комплексе СССР того периода органы внутренней и внешней пропаганды: между ними существовала тесная взаимосвязь. На этапе становления и укрепления сталинского режима предпринимались беспрецедентные меры по усилению контроля над системой советской внешнеполитической пропаганды.

Основными «опорными точками» - важными событиями, которые знаменовали становление и развитие советской пропагандистской системы, по мнению диссертанта, были следующие. Во-первых, решения XVII-го съезда ВКП(б) (январь 1934 г.), согласно которым была проведена реорганизация структуры партийного аппарата всех уровней, осуществлен переход от функционального к производственно-отраслевому принципу. Существовавшие ра-

нее функциональные отделы ликвидировались. Вместо них были образованы отраслевые отделы и среди них преобразованный Отдел культуры и пропаганды (Культпроп).

Другим важным событием в истории эволюции советских пропагандистских структур стало постановление ЦК ВКП (б) о реорганизации ранее существовавшего Отдела культуры и пропаганды (Культпроп) (13 мая 1935 г.). Он был разделен на пять самостоятельных структурных подразделений (отделов). В составе одного из них (отдела печати и издательств) функционировало Бюро международной информации (БМИ). Эта засекреченная аналитическая структура ЦК ВКП(б), первоначально подчинявшаяся Особому сектору ЦК, была связана с внешнеполитической и военной разведкой.

Третьим событием в ряду тех, что знаменовали изменения в пропагандистской сфере, стало решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». В этом постановлении особое внимание акцентировалось на необходимости изменения структуры партийного аппарата всех уровней. Отделы партийной пропаганды и агитации, печати и издательств ЦК были объединены, и в результате возник новый Отдел пропаганды и агитации, под контроль которого попали печатные издания, в том числе произведения литературы и искусства.

По мнению диссертанта, этап сложных преобразований в пропагандистской структуре ЦК ВКП(б) логично завершился в 1939 г. По решению XVIII съезда ВКП(б) 3 августа 1939 г. было создано Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПА). Оно объединило все отрасли и направления идеологической работы большевистской партии.

Специфика УПА ЦК ВКП(б) состояла в том, что в своей внешнеполитической пропагандистской деятельности оно уделяло основное внимание идеологической, а не информационной составляющей.

В диссертации особое место уделено деятельности в области внешнеполитической пропаганды III Коммунистического Интернационала (Коминтерна). В данном параграфе описывается структура пропагандистских органов Коминтерна, которые были причастны к формированию образа нацистского режима в предвоенные годы.

Помимо партийных пропагандистских органов и Коминтерна в СССР существовали государственные учреждения, организации, периодическая печать, которые в той или иной степени несли ответственность за политико-идеологическую деятельность. Ряд из них в своей повседневной работе занимались внешнеполитической пропагандой. Основополагающие решения об образовании, структурных изменениях, финансировании, руководящем и кадровом составе государственных учреждений, общественных организаций, органов печати, действовавших в этой области, принимались, как правило, высшим партийным органом – Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждались затем ЦИК или Советом Народных комиссаров СССР.

Как показано в диссертации, пропагандистские функции за рубежом, кроме УПА ЦК ВКП(б), выполняли и некоторые народные комиссариаты СССР, наиболее действенным из которых являлся Народный комиссариат иностранных дел (НКИД). НКИД координировал действия структур государственной власти в области внешней политики, и это априори входило в число задач внешнеполитического ведомства. Функционировавший в составе НКИД Отдел печати постепенно превратился в координирующий орган в области информационно-пропагандистской политики, направленной на границу.

Телеграфное Агентство СССР (ТАСС) являлось исполнительным звеном внешнеполитической информационно-пропагандистской системы. С первых дней своего существования

ТАСС занимался не только передачей, но и сбором информации за рубежом. В составе ТАСС с момента его основания была редакция информации для заграницы (РИДЗ).

В диссертации показано, что правом распространения информации за рубежом, помимо Телеграфного Агентства Советского Союза, обладали также Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) и Литературное агентство, входившее в состав объединения «Международная книга».

Радиовещание, наряду с издательской деятельностью, играло важную роль во внешнеполитической пропаганде. Существовала целая система центральных, республиканских и местных программ. Центральное радиовещание вело передачи и за границу. Этим преимущественно занимался Иностранный отдел (отдел Инорадио), функционировавший в рамках созданного 31 января 1933 г. Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК).

Созданная в 1936 г. Иностранная Комиссия Союза Советских Писателей (ССП) осуществляла связь ССП с международными органами иностранных писателей и других деятелей культуры, а также с отдельными зарубежными писателями. Важнейшим условием и определяющим звеном в системе внешнеполитической пропаганды являлась политическая цензура, которая осуществлялась через государственные органы (в первую очередь через Главлит). Непосредственное участие в аппарате Главлита принимали представители НКВД.

Второй параграф **«Руководящий и кадровый состав»** диссертационного исследования призван дать представление о руководящем и исполнительском звене системы советской пропаганды в 1930-е – начале 1940-х гг.

В своей повседневной политико-идеологической деятельности пропагандистские структуры, в том числе и те, которые занимались проблемами внешнеполитической пропаганды, руководствовались не только устными и письменными директивами И.В. Сталина, но и брали на вооружение указания его ближайших соратников (В.М. Молотова, М.И. Калинина, Л.М. Кагановича).

В диссертации даются краткие биографические сведения о руководителях отделов ЦК ВКП(б) и Коминтерна, занимавшихся политико-пропагандистской деятельностью. Диссертант также характеризует деятельность руководителей внешнеполитического ведомства (наркома М.М. Литвинова, его заместителя Н.Н. Крестинского, полпредов Берлине Л.М. Хинчука и Я.З. Сурица, заведующего Отделом печати НКИДа Е.А. Гнедина), которые в своей непосредственной работе сталкивались с проблемами советско-германских отношений.

В этом параграфе диссертации рассмотрен вопрос о политических репрессиях, затронувших систему пропагандистских органов. Они развернулись уже в середине 1930-х гг., продолжались в 1937 г. и достигли своего апогея в 1939 г. после снятия с должности Народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова. Диссертант собрал и обобщил сведения о репрессиях руководящего состава Коминтерна, Главлита, НКИДа, ВОКСа, Главного управления кинофотопромышленности, журналов «Большевик», газет «Известия» и «Нувель де Моску».

На волне репрессий у руководства пропагандистскими органами оказались новые сталинские выдвиженцы Л.З. Мехлис, Г.Ф. Александров, Я.З. Хавинсон, В.С. Кеменов, А.И. Большаков, М.Б. Храпченко, Н.Г. Пальгунов, С.С. Дукельский, И.А. Бурмистенко. На ведущие позиции вышли представители новой генерации соратников вождя А.А. Жданов и А.С. Щербаков.

В диссертации сделан вывод о том, что к началу 1940-х гг. основу руководящего состава системы пропаганды составляли функционеры, лично преданные и близкие к И.В. Стали-

ну В.М. Молотов, А.А. Жданов, А.С. Щербаков, либо имевшие непосредственный «выход» на вождя и на его соратников Г.Ф. Александров, А.И. Большаков, В.С. Кеменов, Я.С. Хавинсон, что упрощало функционирование этой системы в целом и, в то же время, являлось своеобразным «тормозом» для проявления инициативы в деятельности политико-идеологического аппарата.

Третий параграф **«Механизм функционирования»** посвящен анализу деятельности советских пропагандистских структур в предвоенное десятилетие. Для того чтобы система внешнеполитической пропаганды могла действовать эффективно и целенаправленно, функционеры, причастные к ее проведению, должны были обладать необходимой информацией о внешней и внутренней политике других стран. Не все способы и методы доступа к этой информации известны и поныне, однако благодаря введению в научный оборот ранее не известных источников данный сюжет стал конкретизироваться и проясняться.

Важным каналом в получении зарубежной информации и использования её в пропагандистских целях был Коминтерн. Исполком Коминтерна (ИККИ) получал часть зарубежной информации из советских полпредств информации, в первую очередь касавшейся коммунистических партий.

В период политических репрессий Отдел печати НКВД занял ключевое место в отборе публикаций по международной тематике в советской прессе. Это объяснялось тем, что из редакций ряда газет «исчезли» многие квалифицированные специалисты по международным вопросам. В создавшихся условиях редакции (кроме газеты «Правда») стали систематически посылать на просмотр в Отдел печати НКВД свои материалы, прислушиваясь к советам его сотрудников.

В то же время большинство работавших за границей корреспондентов ТАСС, которые получили назначение вслед за пиком политических репрессий, не отвечало требованиям, предъявляемым к журналистам-международникам. Такие корреспонденты присылали мало информационных материалов, поскольку оказались всецело зависимыми от переводчиков-иностранцев. Качество подобного рода материалов также оставляло желать лучшего.

После получения и тщательного отбора информации на международные темы наступал этап ее распространения в СССР и за границей. Процесс доведения ее до советской и иностранной аудитории являлся, по сути, важнейшим в деятельности всей системы внешнеполитической пропаганды.

В 1930-е гг. советская периодическая печать активно использовалась для ведения внешнеполитической пропаганды. Так, сталинское руководство использовало страницы газет «Правда» и «Известия» не только для официальной трактовки внешнеполитического курса СССР, но и для публикации в газете передовых статей без подписи, авторство или редактирование которых принадлежало И.В. Сталину, В.М. Молотову либо А.А. Жданову. Помещавшиеся в «Правде» и «Известиях» статьи служили задаче формирования общественного мнения о внешней политике СССР.

Выбор тех или иных форм пропагандистской активности, как правило, диктуется конкретными политическими условиями. Применительно к советской внешнеполитической пропаганде 1930-х гг. можно указать, по крайней мере, четыре источника, с помощью которых хотя бы приблизительно определяется степень влияния ее на общественное сознание: 1) уровень печатаемости тех или иных пропагандистских материалов; 2) содержание писем-откликов на материалы внешнеполитической пропаганды, приходившие в вышестоящие инстанции или в редакции конкретных СМИ; 3) сводки настроений, составлявшихся органами

НКВД, в которых фиксировались высказывания отдельных граждан; 4) дневники, переписка, мемуары современников и участников событий.

Вторая глава **«Обострение взаимоотношений с Германией и формирование образа нацистского режима (1933–август 1939 гг.)»** посвящена вопросу формирования советской пропагандой образа нацистского режима в период обострения дипломатических отношений между Москвой и Берлином (1933 г. – август 1939 гг.).

В первом параграфе **«Реакция сталинского руководства на приход А.Гитлера к власти (1933–1934 гг.): политико-пропагандистский аспект»** основное внимание уделено советско-германскому так называемому «журналистскому конфликту», который возник в сентябре 1933 г. К разрешению его оказались причастными представители высшего политического руководства, главы внешнеполитических ведомств, руководители СМИ обеих стран. Советские журналисты вначале подверглись аресту, а затем оказались не допущенными на судебный процесс, проходивший в Лейпциге, где слушалось дело о поджоге рейхстага. Инициаторами поджога были объявлены коммунисты, а конкретные обвинения германское правосудие выдвинуло главным образом против болгарского коммуниста Г.М. Димитрова.

«Журналистский конфликт к концу сентября 1933 г. достиг своей кульминационной точки. 26-го и 27-го сентября Политбюро приняло последовательно три постановления по данному вопросу. Первым из этих постановлений («Сообщение ТАСС») Политбюро утвердило текст, который следовало опубликовать «от имени» Телеграфного Агентства Советского Союза: ТАСС, «Известия» и «Правда» отозвали своих корреспондентов из Берлина. Одновременно правительство СССР постановило выслать всех представителей германской печати в Москве, которым 26 сентября предложено в трехдневный срок покинуть пределы СССР. Эти меры, которые были беспрецедентными в практике советско-германских отношений. Однако в октябре усилиями обеих сторон он был постепенно улажен.

К концу 1933 г. в Германии завершился существенный этап создания нацистского режима – соединение партии с государством, тесно связанное с установлением однопартийной системы. 1-го декабря был принят закон «Об обеспечении единства партии и государства». В нем, в частности, декларировалось, что НСДАП является носительницей идей государства и неотделима от государства, а ее устройство было представлено в качестве составной части «народного права».

По мнению диссертанта, первые полтора года после прихода к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером прошли у И.В. Сталина в поисках определения позиции по отношению к этому событию, которое коренным образом не только изменило политическую ситуацию в Европе, привело к ухудшению советско-германских отношений, но и явилось своеобразным толчком для изменения характера советской пропаганды. Однако в создавшейся ситуации Сталин, скорее всего, так и не смог до конца определиться в выборе этой позиции. С одной стороны, он поощрял антифашистские пропагандистские акции Коминтерна, принял непосредственное участие в разрешении «журналистского конфликта». С другой стороны, Сталин пришел к признанию того факта, что нацисты победили, а Гитлер является легитимным правителем Германии. Последнее обстоятельство в дальнейшем предопределило двойственность позиции И.В. Сталина в тех случаях, когда руководство наркомата иностранных дел выступало с инициативами о принятии практических шагов в области пропаганды, направленных на пресечение антисоветских акций нацистского руководства.

Во втором параграфе **«Внутренняя политика, экономика, идеология и культура национал-социализма»** рассматривается, каким образом советская пропаганда представляла внутреннюю политику нацистского режима, как оценивала его вмешательство в экономику,

культурную жизнь страны, а также анализируются идеологические постулаты А. Гитлера и его сторонников.

Начиная с 1933 г. практически все публикации советской прессы, характеризовавшие внутреннюю политику нацистского режима, содержали негативную информацию о нем, что, в свою очередь, составляло основу для создания его сугубо отрицательного образа.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов акценты были перенесены в социально-экономическую сферу. Фашизм стал определяться как продукт общего кризиса капитализма, его гниения и распада. Отсюда вытекало, что единственным спасением от него является пролетарская революция.

На 1933–1934 гг. приходится наибольшее количество публикаций по «германской тематике», помещенных в газетах «Правда» и «Известия» (примерно по 7-8 в каждом номере). В этот период большая часть материалов советской прессы относительно Германии составляли статьи о сопротивлении фашизму, об антифашистских выступлениях. Эти публикации имели своей целью продемонстрировать раскол германского общества, отсутствие сплоченности и поддержки нацистов со стороны основной массы населения.

В общем массиве публикаций о событиях в Германии, которые появлялись в «Правде» и «Известиях» после прихода к власти НСДАП, второе место занимали публикации о проблемах, с которыми сталкивался национал-социалистический режим в социальной области и в сфере экономики.

Реваншистские декларации А. Гитлера с призывом ревизовать унизительные для Германии условия Версальского мирного договора 1919 г. способствовали тому, что в советской пропаганде нацистский режим изображался как необузданная политическая сила, стремящаяся к вооружениям. Естественно, это вызывало острую негативную реакцию германских официальных лиц.

В диссертации также показано, что советская печать уделяла внимание состоянию культуры, науки, спорту при нацистском режиме. Материалы периодики СССР по этим сюжетам носили исключительно разоблачительный характер. В советских газетах и журналах сообщалось о гонениях на интеллигенцию (увольнения, аресты), публичном уничтожении на костре книг «неугодных» авторов.

Обличению нацистского режима способствовали работы лучших советских карикатуристов. Уже в 1933 г. в карикатуре появляется образ концентрационного лагеря как обобщенного символа беззакония и насилия, которые творили нацисты в Германии.

В последующий период, вплоть до августа 1939 г., этот образ нацистского режима целом не претерпел особых изменений, а благодаря усилиям пропагандистских структур еще более конкретизировался и обнаруживал новые грани.

В советской научной литературе и в средствах массовой информации, начиная с 1933 г., активизировался процесс показа различных сторон внутренней политики нацистского режима, причем с обличительных позиций.

Видная роль в выявлении проблем, стоявших перед нацистским руководством в области экономики и промышленности, принадлежала Институту мирового хозяйства и мировой политики, который возглавлял Е.С. Варга, один из лучших экспертов И.В. Сталина в области экономики. Материалы об экономике Германии в правление нацистов постоянно публиковались в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика», печатном органе этого Института.

Другой научный журнал, «Проблемы экономики», разрабатывавший «на основе марксистско-ленинского учения» вопросы политэкономии капитализма, также периодически

помещал на своих страницах аналитические статьи и обзорные материалы по данной проблематике.

Наконец, Международный аграрный институт (Москва), просуществовавший до начала массовых репрессий 1937–1938 гг., издавал журнал «Аграрные проблемы», в котором нашла освещение специфика политики нацистского режима в области сельского хозяйства.

В ряде книг анализировались экономические теории нацистов, давались систематические очерки их экономической политики. Авторами этих работ формировалось представление о бедственном положении различных слоев германского общества при нацистском режиме (крупной и мелкой городской буржуазии, рабочих, городских средних слоев, крестьян), обрисовывали политику автаркии и экономические последствия аншлюса Австрии (1938) и захвата Гитлером Чехословакии (1939).

Хотя научные труды специалистов по германской экономике основывались главным образом на солидных статистических данных, все эти специалисты были политически ангажированы и выполняли актуальный социальный заказ.

В 1936–1939 гг. в СССР вышло на экраны порядка десяти кинокартин, в которых было в той ли иной степени представлено гипотетическое вооруженное столкновение между Советским Союзом и нацистской Германией. Вообще, нацистская Германия изображалась в советском кинематографе указанного периода как царство ночи. «Ночь над Германией», «мгла средневековья» и т.д. – подобного рода языковые клише советской прессы 1930-х гг. находили свое буквальное воплощение в кинематографическом образе германских реалий тех лет.

Советские средства массовой информации стремились сформировать устрашающий образ германского милитаризма, реанимацией которого усиленно занимался нацистский режим. Тема возрождения германского милитаризма, представлявшего угрозу европейской безопасности, постоянно находилась в центре внимания советских СМИ.

Советская пропаганда сосредоточивалась и на теме репрессий, проводившихся нацистским режимом против германского народа. Во второй половине 1930-х гг. эта тема являлась одной из наиболее востребованных в политической карикатуре. Часто встречавшейся в ней характерной деталью становится топор палача: это была реакция на восстановление в Германии смертной казни через отсечение головы.

Советская пропаганда уделяла особое внимание и конфессиональной политике нацистов. Основное внимание было сосредоточено на доказательстве того, что церковь своей пацифистской проповедью «не убий» препятствует нацистам в их подготовке к войне.

С приходом нацистов к власти ими был проведен ряд практических мероприятий по унификации всех сфер общественной и культурной жизни Германии с целью подчинения идеологическому обслуживанию нацистского режима. Поэтому советская пропаганда неустанно разоблачала реалии духовной жизни «Третьей империи», методы манипулирования нацистской верхушки общественным сознанием. Вышли в свет многочисленные публикации, в которых анализировалась фашистская философия, роль художественной литературы в идейном арсенале нацистского режима. Однако и в них преобладали пафос разоблачения.

Положению науки и культуры в нацистской Германии был посвящен целый ряд карикатур, помещавшихся на страницах журнала «Крокодил» и других советских периодических изданий.

Одним из составных компонентов нацистской идеологии являлась расовая теория. Критический разбор ее основных положений был предпринят вскоре после прихода А. Гитлера к власти, причем анализу подверглись не только его книги, но также сочинения А. Розенберга и других нацистских теоретиков. Рассматриваемая советскими авторами как враждебная, ра-

совая теория нацистов противопоставлялась марксистскому интернационализму. Показывая в печатных статьях и в карикатуре внутриполитическое и внешнеполитическое содержание нацистской расовой теории, эти авторы воспринимали данную теорию в качестве одного из важнейших инструментов идеологической подготовки Германии к войне.

Ежегодно на страницах центральных советских газет помещались обзорные материалы, приуроченные к очередной годовщине прихода к власти в Германии НСДАП, в которых вновь и вновь подчеркивалась гибельность социально-экономического курса правительства А. Гитлера. Они были призваны внести дополнительные штрихи к уже сформированному ранее советской пропагандой негативному образу нацистского режима. При этом практиковалось привлечение материалов иностранной прессы.

Одним из удобных поводов для организации антинацистских пропагандистских акций являлись антисоветские выпады, которые допускали нацистские «вожди» на съездах НСДАП, проходивших в Нюрнберге. Так, в 1935 г., в ответ на подобные инсинуации И.В. Сталин санкционировал критику в советской периодической печати внутренней политики национал-социалистов, причем рекомендовал делать это принципиально, избегая «площадной брани».

В 1936–1938 гг., когда в Москве проходили политические судебные процессы против «врагов народа», которые якобы состояли в сговоре с фашистской агентурой, советская пропаганда получила лишний повод для обличения нацистского режима. В периодической печати СССР проводилась мысль о том, что «троцкисты и зиновьевцы» не только идейно и политически «сомкнулись с фашизмом», но и якобы действовали в прямой связи с германской охранкой (гестапо), а их конечной целью являлась война против СССР и поражение последнего.

Представления о сущности нацистского режима нашли свое окончательное закрепление и идеологическое обоснование в «Кратком курсе истории ВКП(б)», текст которого готовился под непосредственным руководством И.В. Сталина и тщательно редактировался им. В этой «настойной книге большевизма» были сформулированы определения, которые советский вождь считал необходимым применить к НСДАП, ставшие впоследствии основополагающими в пропагандистских установках.

В то же время «классовый подход» не мог удовлетворительно объяснить такие характерные для фашизма феномены, как поддержка его большим количеством германских рабочих, не всегда благосклонная политика нацистского режима к «классово близким» «капитанам» тяжелой индустрии.

В третьем параграфе **«Интерпретация внешней политики нацистов»** основное внимание сосредоточено на том, каким образом реагировала советская пропаганда 1933–1939 гг. на акции нацистского руководства на международной арене. В данный период значительно выросло количество публикаций по указанной теме в периодической печати. Газеты и журналы постоянно писали об агрессивном курсе внешней политики нацистского руководства. Эта политика разоблачалась в ряде книг, специальных сборников критической направленности.

Острополемический характер имели публикации о реваншистских и захватнических планах А. Гитлера, принадлежавшие перу К.Б. Радека, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, практически всегда являвшиеся резонансными. Советские карикатуристы (Кукрыниксы, Б. Ефимов, А. Дени) беспощадно бичевали нацистское руководство.

В высших советских кругах подверглось резкой критике содержание книги-манифеста А. Гитлера «Майн кампф», в которой, помимо прочего, содержалось идеологическое обосно-

вание его агрессивных устремлений, обращенных на восток, т.е. в сторону Советской России.

В 1933–1939 гг. на тему внешней политики нацистской Германии в журнале «Крокодил» было помещено около двухсот карикатур, примерно столько же, сколько посвящалось внутреннему положению в стране. Основное внимание советские карикатуристы уделяли сюжету о перевооружении германской армии.

Особый сюжет советской карикатуры второй половины 1930-х гг. – постепенное германо-итальянское сближение, обусловленное агрессивной сущностью обоих фашистских режимов. Множество карикатур советских художников было посвящено разоблачению деяний германских и итальянских интервентов на территории республиканской Испании в 1936–1939 гг.

В советской политической карикатуре разоблачалась, помимо интервенции в Испанию, и другие агрессивные внешнеполитические акции А. Гитлера: ввод германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону (1936); аншлюс Австрии (1938). Еще один цикл политических карикатур, появившихся в 1938–1939 гг. на страницах советских периодических изданий, был связан с подписанием Мюнхенского соглашения, которое положило начало расчленению Чехословакии. Параллельно вплоть до августа 1939 г. «Правда» публиковала многочисленные статьи, призванные доказать несостоятельность утверждений нацистов о мощи вермахта.

Контент-анализ материалов газеты «Известия» за 1933–1939 гг., проведенный диссертантом, позволил конкретизировать процесс формирования и эволюции образа «германского фашизма», который являлся для советской пропаганды своеобразным синонимом наводившего на нежелательные аналогии понятия «национал-социализм».

Всплеск интереса к тем или иным событиям внутривнутриполитического и внешнеполитического плана, происходившим в Германии в указанный период, соответствующим образом отражался на количестве публикаций, появлявшихся в СМИ. Важнейшими из них являлись: Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага и «журналистский конфликт» (1933 г.); введение военной обязанности (1936 г.); участие А. Гитлера в интервенции против республиканской Испании (1936–1939 гг.) и другие.

В целом, с середины 1930-х гг. нацистский режим становится для СССР главным врагом. Со стороны СССР это была государственная, и, вплоть до августа 1939 г. бескомпромиссная антифашистская политика, с массовой внутри- и внешнеполитической пропагандой. Именно пропаганда была призвана создать в общественном сознании отрицательный, враждебный образ нацистского режима, который к концу 1930-х гг., после откровенно агрессивных в Испании, захватнических в Австрии и Чехословакии действий стал реально угрожать геополитическим интересам СССР.

Третья глава **«Пакт Риббентропа–Молотова и «периферийные» повороты в советской пропаганде (23 августа 1939–21 июня 1941гг.)»** посвящена тем изменениям, которые произошли в советской пропаганде в отношении нацистской Германии на этапе непродолжительного сближения с ней.

В первом параграфе **«Улучшение отношений СССР с Германией и их неоднозначное восприятие в советском обществе»** рассматривается вопрос о реакции общественного мнения в СССР на советско-германский договор о ненападении. Этот договор был подписан в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел нацистской Германии Й. фон Риббентропом и народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым.

Буквально с первого дня действия пакта в Советском Союзе развернулась политико-идеологическая кампания, содержание которой сводилось к внедрению в общественное сознание мысли о том, что СССР и нацистская Германия отныне не являются противниками, инициированная публичными выступлениями главы правительства В.М. Молотова и передовыми статьями газеты «Правда». В.М. Молотов по существу не только нацеливал (с подачи И.В. Сталина) пропагандистские органы на отказ от открытых антинацистских деклараций, но и озвучил установку для населения СССР об адекватном восприятии такого пропагандистского поворота.

28 сентября 1939 г., в ходе второго визита Й. Риббентропа в Москву был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это соглашение дало новый импульс для усиления политико-идеологической кампании в духе сталинского курса на советско-германское сближение.

Однако отнюдь все советские граждане демонстрировали «единодушное одобрение», узнав о подписании договоренностей между СССР и нацистской Германией от 23 августа и от 28 сентября 1939 г. В советском обществе, если руководствоваться высказыванием современника событий академика В.И. Вернадского, происходило «скрытое брожение», обусловленное резким противоречием между реальностью и пропагандистскими усилиями властей.

В печатных материалах, которые появлялись после подписания пакта Риббентропа-Молотова в советской прессе, внутренняя политика нацистского руководства перестала подвергаться критике. Сообщения о нацистском терроре, различных формах дискриминации исчезли со страниц советских газет и журналов. Материалы, касавшиеся экономических или политических реалий этого режима, ограничивались ссылками на нацистскую статистику и, как правило, были лишены негативной нагрузки.

По мнению диссертанта, временный политический выигрыш от договоренностей с нацистской Германией августа-сентября 1939 г. сопровождался политико-идеологическими издержками. То, что советская пропаганда нацелилась на обоснование «дружбы» с Третьим рейхом, отказавшись от критических выпадов в адрес внешней и внутренней политики нацистского руководства, вызывало у некоторых советских граждан раздражение и недовольство.

Во втором параграфе **«Неудачная попытка «культурного сближения» с Третьим рейхом»** диссертантом рассмотрен вопрос о причинах неудачной попытки «культурного сближения» СССР с нацистской Германией в период действия пакта Риббентропа-Молотова.

После заключения Договора о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г., а особенно с подписанием советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., советские пропагандистские органы оказались перед необходимостью изменить образ недавнего врага в лице нацизма на диаметрально противоположный либо существенно скорректировать его.

Новый поворот в советской пропаганде, который был призван идеологически обосновать сближение с нацистской Германией, оказался возможным при одном важном условии. При этом, ставка делалась не на идеологический «центр», а на идеологическую «периферию». После подписания пакта о ненападении В.М. Молотовым декларировалось, что различия в мировоззрениях и социальных системах не являлись помехой для сближения народов СССР и Германии. В советской прессе прекратились все выпады против нацистского режима, события внешней политики в ней освещались с германской точки зрения, а антифашистская литература оказалась изъятой из книжного оборота.

По мнению диссертанта, руководство СССР в этих новых условиях попыталось провести курс на культурное сближение с нацистской Германией. Возникла реальная возможность

использования благоприятной ситуации с целью возобновления советско-германских культурных связей.

Периферийные аспекты советской идеологии едва ли не полностью исчерпывались термином «культура». Не случайно, что для создания позитивного образа вчерашнего врага в лице нацистского режима в 1939 г. были взяты на вооружение именно характеристики, связанные с культурой. «Центральные» ресурсы советской идеологии также могли быть отчасти привлечены и косвенно использованы для создания позитивного образа нацистской Германии.

В целом, «периферийный» поворот в советской пропаганде, начавшийся в августе 1939 г., давал толчок для создания позитивного культурного имиджа бывшего врага. Однако использовать ожидавшиеся преимущества от начавшегося советско-германского политического сближения с целью развития культурных связей с Третьим рейхом Москве в полной мере не удалось, прежде всего, по причинам идеологического характера. Правление ВОКС'а в данной связи было вынуждено констатировать (в июле 1940 г.), что в условиях, когда германская сторона создавала препятствия на пути развития культурных связей, надежды на их активизацию бесперспективны.

Между тем, по мнению соискателя, на этапе сближения с Германией обнаружилась важная точка соприкосновения с нацистским режимом в области культурной политики: стремление большевистских идеологов использовать его опыт ведения политической пропаганды в собственных конъюнктурных интересах.

Однако, как показано в диссертационном исследовании, политические договоренности о советско-германском сближении не были дополнены соответствующими договоренностями о культурном обмене. Определенный выигрыш от пакта Риббентропа-Молотова омрачали идеологические издержки: официальные установки советского руководства не давали возможности их преодолеть.

В третьем параграфе **«Антинацистская направленность политико-идеологической кампании мая-июня 1941 г.»** дается краткая характеристика политико-идеологической кампании мая-июня 1941 г., ознаменовавшей начало нового поворота в советской пропаганде. Начиная с лета 1940 г., советско-германские отношения начали ухудшаться. Это сказалось на характере деятельности пропагандистских структур. Внимание советской цензуры стали привлекать печатные материалы, чересчур позитивно оценивавшие усилия Германии во Второй мировой войне.

Наряду с констатацией организационных и содержательных преимуществ германской пропаганды, в ряде докладных записок в ЦК ВКП(б) руководители пропагандистских структур выступали и с критикой по поводу содержания материалов, публиковавшихся в германской прессе.

Несмотря на нежелание преждевременно идти на открытую идеологическую конфронтацию с Германией, весной 1941 г. в Москве все-таки решили предпринять некоторые завуалированные антигерманские акции. Сталинской премии удостоились создатели художественного фильма «Александр Невский», снятого с проката после подписания известных соглашений между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г. В газете «Правда» в связи с высокой наградой, которой удостоились создатели картины, появилась статья о творчестве С.М. Эйзенштейна, содержащая высокую оценку фильма. В апреле 1941 г., когда возникла напряженность в связи с балканскими событиями, кинолента вновь появилась в прокате. Присуждение ей Сталинской премии было воспринято в СССР как антигерманская акция.

В марте–апреле 1941 г. ТАСС начал непосредственную подготовку к пропагандистской войне против ведомства Геббельса. Были собраны и обобщены соответствующие материалы (выдержки из книги «Майн кампф» Гитлера, статьи о нацистском «новом порядке» в Польше и Югославии и т. д.). В составе ТАСС была создана секретная редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном. Однако эта редакция развернула свою работу на всю мощь лишь после нападения Германии на СССР.

5 мая 1941 г. И.В. Сталин выступил с большой речью на официальной церемонии выпуска слушателей военных академий РККА и на банкете по случаю этого события. К этому времени было принято постановление Политбюро о том, что Сталин берет на себя руководство страной: он сменил В.М.Молотова на посту Председателя Совета народных комиссаров СССР. Вождь в своем выступлении перед выпускниками военных академий РККА дал понять, что отныне Германия рассматривается как потенциальный военный противник, и следует переходить от мирной политики «к военной политике наступательных действий», а пропаганда должна перестроиться в наступательном духе.

В диссертации на конкретных примерах показано, каким образом в свете новых сталинских указаний руководители пропагандистских структур активизировали свою деятельность по выявлению тенденций, которые, по их мнению, способствовали созданию «неверного» образа нацистской Германии.

Диссертант разделяет мнение В.А.Невежина и других российских исследователей о том, что в мае 1941 г. в СССР начала разворачиваться политико-идеологическая кампания под лозунгом «наступательной войны». Отправной точкой к ее проведению стала речь И.В. Сталина в Кремле перед выпускниками военных академий РККА, а также его тосты и реплики, провозглашенные на банкете по этому поводу. Развернувшаяся в мае–июне 1941 г. политико-идеологическая кампания имела явно антигерманский и завуалированный антинацистский характер.

Диссертант приходит к выводу о том, что упомянутая кампания так и не приобрела широкого размаха. Она оказалась периферийной по ряду причин. Во-первых, в условиях сложнейшей международной обстановки, когда, несмотря на активизацию внешнеполитических акций А. Гитлера, продолжал действовать пакт о ненападении между Германией и СССР, советское правительство было вынуждено сдерживать активность пропагандистских органов. Во-вторых, развернуть упомянутую кампанию не удалось по причине ее кратковременности. С нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г. она была прервана, и советскому руководству в условиях начавшейся нацистской агрессии пришлось сменить лозунг «наступательной войны» на другой – войны сугубо оборонительный.

В **Заключении** диссертации обобщены результаты и сформулированы основные выводы исследования.

В ходе исследования установлено, что система советской пропаганды имела сложный и многоступенчатый механизм функционирования, контролируемый партийно-государственным аппаратом. Одной из форм усиления этого контроля являлись периодические «чистки» кадрового состава органов пропаганды, в результате которых были физически уничтожены либо оказались в заключении представители руководящего состава и рядовые сотрудники, что негативно отразилось на общем профессиональном уровне пришедших им на замену кадров.

Исследование показало, что в 1933–1939 гг. советская пропаганда сосредоточила основные усилия на создании негативного образа нацистского режима. Ключевым лейтмотивом ее являлось подробное описание обострения внутрисоюзного и экономического

кризисов в Германии, причиной которых объявлялись милитаризация и политика автаркии, проводимая А. Гитлером.

В установках советского руководства при принятии решения по вопросу о разворачивании антинацистских пропагандистских кампаний превалировал политический прагматизм, так как Германия продолжала рассматриваться в качестве одного из основных торговых партнеров.

Суть процесса трансформации пропагандистского образа нацистского режима в советской пропаганде состояла в качественно новом явлении на уровне парадигмы внешней и внутренней политики СССР. Идеино и классово враждебный режим, каким являлся нацистский режим, стал представляться советской пропагандой как дружественный. С началом войны между Германией и СССР (1941–1945 гг.) в этот идейно-политический и пропагандистский контекст органично вписалось создание антигитлеровской коалиции вместе с классово и политически враждебными режимами западных держав – Великобританией, Соединенными Штатами Америки, Францией.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в рецензируемых научных журналах, определённых ВАК РФ:

1. Еремин С.В. Большевизм и нацизм: идейно-политическое противостояние и «оттепель» 1939-1941 гг. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.20.М.,2007.С.155-174.
2. Еремин С.В. Политбюро ЦК ВКП (б), НКВД и «журналистский конфликт» СССР с нацистской Германией (сентябрь–октябрь 1933 г.) // Клио. Журнал для ученых. №10(70). СПб., 2012. С.59-63.
3. Еремин С.В. Механизмы функционирования системы советской внешнеполитической пропаганды (1930-е - 1941) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 41. М., 2012. С. 317-340.

Публикации по теме диссертационного исследования в других изданиях:

1. Еремин С.В. К проблеме возникновения и подъёма фашизма в Европе (методологические аспекты) // Проблемы исторической культурологии. Нижневартовск, 1998.С.56-61
2. Еремин С.В. Пресса как средство манипуляции общественным мнением в СССР // Человек в философско-культурологическом измерении. Материалы республиканской научно-теоретической конференции. Нижневартовск, 1998.С.137-141.
3. Еремин С.В. К вопросу о генезисе тоталитаризма //Философия и педагогическая антропология (Первые Соколовские чтения): Материалы региональной научно-теоретической конференции (Нижневартовск, 25-27 мая 1998 года). Нижневартовск, 1998.С.113-116.
4. Еремин С.В. «Феномен власти Гитлера»: точки зрения // Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.). Материалы научной конференции «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI-XX вв.» (Екатеринбург, 3-9 сентября 1999 года). Екатеринбург, 1999. С.498-502.
5. Еремин С.В. Советская пресса и цензура в 1920-30-е годы (источниковедческий аспект) // Научные труды НГПИ. Серия «История». Вып.1. Нижневартовск, 1999.С.125-135.
6. Еремин С.В. Метод контент-анализа в изучении советской прессы // Философия и образование. Материалы региональной научно-практической конференции. Нижневартовск, 2000. С.118-119.
7. Еремин С.В. Дипломатия и пресса: опыт взаимодействия на примере советско-германских отношений в 1933-1934 гг.). // Научные труды НГПИ. Серия «История». Вып.2. Нижневартовск, 2002.С.137-144.

8. Еремин С.В. Роль советской пропаганды в трансформации политических парадигм большевизма в 1930-е гг. // Культура постсовременного общества: философия, политика, искусство, мораль: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции (г. Нижневартовск, 6-7 декабря 2002года). Нижневартовск, 2004.С.16-18.
9. Еремин С.В. Место образа врага в советской политической культуре 1930-х гг. // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы III Международной научной конференции. (Нижневартовск, 8-9 декабря 2005 года). Нижневартовск, 2005.С.152-154.
10. Еремин С.В. Образ врага в советской пропаганде 1930-х гг. (историографический аспект) // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Сборник научных трудов. Нижневартовск, 2005. С. 293-304.
11. Еремин С.В. Функциональные аспекты «образа врага» в работах отечественных исследователей и в курсе обществознания // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции 5-6 октября 2006 г. М., 2006.С.198-200.
12. Еремин С.В Функциональные аспекты в интерпретации понятия «образ врага» // История идей и история общества: Материалы IV Всероссийской научной конференции (Нижневартовск, 20 апреля 2006 года). Нижневартовск, С.65-67.
13. Еремин С.В Образ внешнего врага в материалах газеты «Известия» в 1933-1941 гг. (на примере «германского фашизма») // Социально-экономические проблемы регионального развития: Тезисы региональной научно-практической конференции. (Нижневартовск, 18 мая 2006 года). Нижневартовск, 2006.С.184-188.
14. Еремин С.В.Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде 1933-1941 гг.// Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Нижневартовск,7-8 февраля 2012 года). Нижневартовск, 2012. Ч.1. История идей история общества. Отечественная история. С.61-65.